

УДК 811.161.1'373.234(091)

Томилина Г.Я.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКИХ НАРОДНЫХ СУЕВЕРИЙ

В статье рассматривается вопрос о названиях народных суеверий в современном русском языке

Ключевые слова: суеверие, судьба, обряд, порча, сглаз

У статті розглядається питання про назви народних забобонів у сучасній російській мові.

Ключові слова: марновірство, доля, обряд, причина, уроки

The article deals with the question about names of the superstition of the people in Russian moderne language.

Key words: superstition, fate, ritual, spoiling, the evil eye

Постановка проблемы

Этнолингвистика в узком понимании изучает связь языка и духовной культуры, языка и народного менталитета. В духовной культуре русского народа с древнейших времен сохранилось понятие судьбы, рока. У индоевропейцев оно имело материальную основу и первоначально сводилось к доле, получаемой от матери. Веления судьбы считались непреодолимыми. Сильнее всего фатализмом проникнут европейский восток, т.е. Россия [1, с.191]. Понятием судьбы объясняется то, что при характеристике всего происходящего с человеком, в русском языке употребляются безличные конструкции: с озыку стало [2, с.682]; с призора попритчилось [3, с.927]. С верой народа в судьбу связаны различные русские суеверия, которые Ф.И.Буслаев связывает с древнейшими языческими забавами (играми, ворожбой и т.п.), которые христианской церковью предавались проклятию [4, с.216]. Народные суеверия обычно соединяют с предрассудками, в соответствии с которыми явления и события окружающего мира рассматриваются как проявление сверхъестественных сил и предзнаменование будущего. Некоторые суеверия объясняются отсутствием в человеческом сознании научного представления о связях, закономерностях жизни человека, явлений природы и общества.

Этнолингвистическое изучение народных суеверий – одна из актуальных задач современного языкознания.

Цель статьи – охарактеризовать названия русских народных суеверий, лексическая семантика которых не была еще предметом специального этнолингвистического исследования.

Вся природа представлялась нашим предкам насыщенной духами добра (берегинями) и зла (упырями). В народе издавна было известно немало средств защиты от злых сил, оберегов, символика которых нередко основывалась на символике самих реалий. Так, в состав единого комплекса XII в. для свадебного убора невесты входят сидящая птица (символ семейного гнезда), ключ (символ сохранного имущества), челюсть хищника (символ охраны от зла) [5, с.770]. Действующее лицо (колдун, злой, завистливый человек), которое не всегда называется в языке, использует, по народным поверьям, различные способы нанесения человеку вреда – взгляд, слово, колдовство, обрядовое действие, предмет и др. Результаты подобных действий, как правило, обозначаются отглагольными существительными, которые на семантической основе можно объединять в небольшие лексические группы. По народным представлениям, порча нередко наносится человеку с помощью глаз. Как отмечает И.П.Сахаров, суеверие «с глазу» имеет восточное происхождение; суть его состоит в том, что взгляд человека лихого, злобного, хитрого несет болезни, будто в глазах такого человека содержится яд. На Руси это поверье издавна называлось *с глазу*: в деревнях всякое возникновение болезни считалось порождением *с глаза* [6, с.104]. На основе предложно-падежной формы было образовано слово *сглаз*, широко распространившееся не только в книгах по народной магии, но и в бытовом употреблении, в газетной публицистике. В народном представлении *сглаз* нередко связывается с черными и карими глазами: Черный глаз опасный. Бойся черного да карего глаза [7, с.930]. Существительное *сглаз* наиболее часто используется для характеристики магии взгляда.

Косой взгляд, по народным представлениям, выражает враждебность человека. Такой взгляд еще называют змеиным, дурным глазом. Дурной глаз (околдовывание, зачаровывание) – распространенное в древности понятие. Вера в дурной глаз, известная многим народам, связывалась с представлением о злой душе, находящейся в глазах недоброжелателей, особенно колдунов [8, с.138]. Агрессивное свойство глаз называется глазливостью [9, с.304]. О таком человеке говорят: хоть его в сад посади, и сад привянет [7, с.133]; где ногой ступит – трава не растет [7, с.132]. Человеку со злым, урочливым глазом в народе советуют: не гляди на меня комом, гляди россыпью [6, с.132]. Сглаз не случайно связывается с завистью: сытый волк смирнее завистливого человека [6, с.132].

Ссылаясь на Г.Попова, В.А. Коршунков пишет, что существуют колдуны, которые одним взглядом могут иссушить человека или свести его с ума. По мнению крестьян разных губерний, стоит только колдуну своим глазом моргнуть на человека, как последний тотчас почувствует себя дурно [10, с.114].

Синоним *призор* наряду со значениями «присмотр», «надзор», «наблюдение» в церковнославянском языке и в народной речи означает сглаз, порчу от дурного глаза: С *призора* попритчилось [3, с.427].

Интерес представляет сопоставление диалектизма *призор* с болг. корневым *зор* «власть, сила» [11, с.80]. В русском названии суеверия, как и в бесприставочном болгаризме, на наш взгляд, проявляется идея насильственного подчинения одного человека другому с помощью взгляда.

Синонимы *озева* арх., *озевват*, *озевище* вят., *озеп*, *озевище* означают *сглаз*, *призор*, *порчу*, *притчу*, *с глазу* напущенную болезнь. Они мотивированы однокоренными глаголами *озепать*, *озевывать*, *озевать* что, осматривать, зевая от нечего делать; праздно зевать на что/кого, сев. Изурочить, сглазить, испортить злым помыслом, худым глазом [2, с.682].

Как отмечает М.Фасмер, диалектное *озев* родственно лит. *žavėti* «околдовывать, зачаровывать», лит. *zavėti* «заговаривать, чаровать» [11, с.85].

Диалектизм *озык* имеет ближайшие синонимы *озев*, *сглаз*, *порча*, вообще болезнь с наговору злого знахаря: с *озыку* сталося, *озык* наслан [2, с.682].

Само действие по глаголу *сглаживать* обозначается однокоренными отглагольными существительными *сглаживанье*, *сглаженье*, признак по действию – *сглазной*, *сглазливый*. Скотина *сглазное дело*, ее испортить не долго. Завистливый *сглазчив* [12, с.167].

Вторая лексическая группа наименований суеверий связана со словом, речью, говорением. Существительное *урок* – производное от глаголов *урекать*, *урекнуть*, *уречи* и *уречь* кого, тамб. *укорять*, *упрекать*, *корить*, *помянуть* *лихом*/пск. *урочить*, *опризорить*, *сглазить*, *напускать* *порчу*, *уроки*. Преобладающей является форма множ. числа *уроки*. Реже встречаются в говорах однокоренные префиксальные *сурок*, *изурок*, префиксально-суффиксальное образование *изуроченье*, мотивированные глаголами *сурочить*, *изурочить*. Известно заклинание против уроков: *Уроки*, *призоры*, прочь отойдите [7, с.930].

Близки по значению к форме *уроки* существительные *наговоры*, *заговоры*.

Магические действия колдуна обозначаются также синонимами *шепты*, *шептанье*, *заклинания*, связанными производными отношениями с глаголами *шептать*, *заклинать* [2, с.806].

В эту же лексическую группу входило вначале слово *обаянье*, испытывшее опрощение и дестимологизацию. В современном литературном языке оно означает очарованье, а в русских народных говорах – *заговор*.

Таким образом, наши предки, язычники, хорошо сознавали таинственную силу слова, речи. Поэтому глаголы *баять*, *говорить*, *шептать*, *вещать* означают *ворожбу*, *чародейство*, *пророчество*, *обаяние*, *заговор*, *нашептыванье*, *вещун* [4, с.172]. Глагол *сгласить* в костромских говорах XIX ст. означал испортить оглаской, похвалить лукаво в глаза, желая зла, завидуя, отчего, как и от сглазу, по народному поверью, прикидывается хворь, сухота [12, с.167].

Следующая лексическая группа обозначает действия колдуна, знахаря, злого человека. Синоним *порча* принято связывать с производящим глаголом *портить* (*порчу* обычно наносят или снимают). Нам представляется более аргументированной связь названия магического действия с праслав. *portī, сравн. греч. *πεῖρω* (*peῖro), *dog elarou* «пронзать (мечом, взглядом), прокалывать» [13, с.332]. Возможно, существительное *порча* как название народного суеверия связано с переносным употреблением глагола «пороть» «прокалывать взглядом» [11, с.332]. В таком случае оно тесно примыкает к первой группе слов, обозначающих *сглаз*.

С производящим глаголом *портить* связаны диалектный синоним *портеж* и вариантные названия субъекта этого действия – *портежник*, *порчельник*, *портельщик*, а также их женских соответствий со значением «кто портит людей или скот чарами, дурным глазом, наговорною водою, знахарством» [3, с.332].

Существительное *насылка*, как и однокоренные *насыл*, *насыланье*, обозначает и само колдовское действие, и его результат. Бессуффиксное существительное *напуск* мотивировано производящим глаголом *напускать*.

Заговоры, заклятья, вызывающие в человеке любовь, называют слова *приворожка*, *приворожа*, *привораживание*, образованные от глагола *приворожить-привораживать* [3, с.417]. Под *приворотным* зельем, *приворотом* в народе понимается знахарское снадобье, *привораживающее* людей друг к другу. Близко к нему по значению слово *привлека*, которое, как и разошедшееся с ним по значению прилагательное *привлекательный*, мотивировано глаголом *привлекать*. Противоположное по направленности суеверное обрядовое действие обозначается словом *отворот*. Небольшая лексическая группа среди наименований суеверий обозначает причину событий человеческой жизни. *Причина* в народном представлении – это и *умысел*: мал грех, да *причина* велика. Это и *крючок*, *заноза*: тут есть *причина*, тут есть *крючок* [7, с.183]. В то же время в народном сознании *причина* представляется как нечто сверхъестественное, загадочное, необъяснимое, стоящее над человеком: Его *причина* взяла, и *причина* бьет [3, с.476]. В таком употреблении слово *причина* сближается с существительным *судьба*. Как подчеркивает Л.П.Якубинский, анализ слов, обозначающих неведомую причину, дает интересный материал для суждения о генезисе самого понятия причины. В русских диалектах самое слово *причина* имеет значение «беда», «помеха», «неприятный случай». Существительное *причина* в его философском значении утвердилось в русском языке в XVIII в., хотя продолжало употребляться и слово *вина* древнерусского происхождения [14, с.264-265]. Синонимом к суеверию *причина* выступает диалектизм

пристрет, который может случиться, приключиться, встретиться, статья. Синоним *притка* (*притча*) обозначает *несчастный случай, порчу, сглаз, озев, урок*. В нем *притка* ходит. От *притки* не уйдешь. *Притка* его ведает – кто знает [14, с.264-265].

Ближайший синоним слова *порча* – существительное *помха* (*помеха*). При употреблении оно может обозначать «неурожай от видимой причины»: *Помха* сталась. *Помхою* хлеб убило [3, с.284].

Выводы

Таким образом, названия русских народных суеверий имеют очень древние корни и тесно связаны с народными языческими верованиями. Христианская религия нередко их ассоциирует с чародейством, обрядовыми действиями колдуна, знахаря. Наряду с суевериями анализируемая лезика отражает веру в способность человека передавать мысли и желания на расстоянии. Особенно разнообразны названия народных суеверий, доживших до нашего времени, в русских говорах. Большая часть их представляет отглагольные существительные суффиксальной или бессуффиксной разновидности морфологического словообразования. В то же время проявление системности не является абсолютным: от некоторых глаголов в языке имеется несколько однокоренных образований, от других названия суеверий вообще не образуются (сгласить, статья, приключиться). Наряду с общеупотребительными словами (*урок, сглаз, порча*) среди наименований суеверий представлены диалектные (*озев, озык, пристрет, помха, призор, насылка* и др.). Все они связаны общим значением «неведомая, неизвестная или предполагаемая причина». В составе анализируемой лексики одни слова превратились в философские термины (*причина*); другие стали юридическими терминами (*вина*), некоторые утратили обрядовое значение (*обаянье*), однако большая часть названий народных суеверий по-прежнему функционирует в диалектной речи. В дальнейшем эта лексика будет рассмотрена в восточнославянских языках.

Источники и литература

1. Шрадер О. Индоевропейцы. – С.-Петербург: Изд-во П.П.Сойкина, 1913. – 206с.
2. Даль В.И. Толковый словарь. – М.: ГИХЛ, 1935. – Том второй. – 807с.
3. Даль В.И. Толковый словарь. – М.: ГИХЛ, 1935. – Том третий. – 576с.
4. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – 247с.
5. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – М.: Наука, 1988. – 782с.
6. Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым. Забытая книга. – М.: Художественная литература, 1989. – 396с.
7. Пословицы русского народа. Сборник В.Даля. – М.: ГИХЛ, 1975. – 990с.
8. Этинген Л.Е. Органы зрения// Человек. – 2003. – №1. – С.131-140.
9. Даль В.И. Толковый словарь. М.: ГИХЛ, 1935. Том первый. – 723с.
10. Коршунков В.А. Колдовские глаза и мальчики в глазах// Русская речь. – 2000. – №3. – С.112-122.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1967. – Т. II – 671с.
12. Даль В.И. Толковый словарь. – М.: ГИХЛ, 1935. – Том четвертый. – 704с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1971. – Т. III. – 827с.
14. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. – М.: Госучпедгиз МП РСФСР, 1952. – 367с.

Поступила в редакцию 01.07.2005 г.

УДК 811.161.1+512.145

Фазылова А.Р.

ПЕРЕКРЕСТНАЯ РЕЦЕПЦИЯ САКРАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО И КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В статье представлен спектр современного восприятия сакральных концептов в русской и крымскотатарской языковых картинах мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, сакральность

У статті подано спектр сучасного сприйняття сакральних концептів у російській і крымськотатарській мовних картинах світу.

Ключові слова: мовна картина світу, концепт, сакральність

In this article it is presented the spectrum of modern reception of sacred concepts of Russian and Crimean Tatar language pictures of the world.

Key words: language pictures of the world, concept, sacredness

«Языковая картина мира» – одно из центральных понятий когнитивной лингвистики. Активизация этого термина восходит к работам советских языковедов семидесятых годов XX века (см. работы Ю.Н. Караулова, А.И. Кузнецова, Ф.А. Никитиной, А.А. Уфимцевой и др.), когда на первый план в лингвистических исследованиях выдвигается проблема взаимоотношения языка, сознания (как индивидуального, так и коллективного) и культуры (в широком смысле слова, включая духовную и материальную, окружающий реальный мир и абстрактные понятия и т.д.), изучение которой